

С. С. ТАТИЩЕВ

Император Николай и иностранные дворы

III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

В первые дни мая 1844 года, император Николай выехал из Царского Села. Его сопровождала малочисленная свита, во главе которой находился генерал-адъютант граф Орлов. Вице-канцлер граф Нессельроде, обыкновенно сопутствовавший его величеству при посещении им дворов австрийского и прусского, на этот раз оставлен был в Петербурге.

Государь прибыл в Берлин в Троицын день, 14 (26) мая поутру, и остановился в доме русского посольства. В посольской церкви шла обедня и читались молитвы с коленопреклонением. Император остался у входа и, сделав знак, чтоб никто не вставал, сам опустился на колени. Рассказ об этом мы читаем в письме к жене прусского посланника при лондонском дворе, барона Бунзена, находившегося в то время в отпуску в Берлине и закончившего письмо следующими размышлениями: «Путешествие Царя будет иметь громадные последствия. Все в руке Божией. Сегодня Пятидесятница, и мы празднуем величайшее из чудес»*.

К обеду в Шарлотенбурге в честь русского императора были приглашены лица его свиты, посланник наш при берлинском дворе,

---

* Барон Бунзен жене, 14 (26) мая 1844.

барон Мейендорф, прусский министр иностранных дел, несколько генералов и ученых и в числе последних Александр Гумбольдт. Король Фридрих-Вильгельм IV представил государю перед обедом и Бунзена не только в качестве министра при королеве великобританской, но и как своего личного друга. «Я надеялся встретить вас в Лондоне», — сказал ему император. За столом разговор шел между королем и учеными его собеседниками о произведениях древней греческой словесности, между прочим, об Евменидах Еврипида. Государь не принимал в нем участия и только спросил: «Что такое Евмениды?» Король отвечал ему в шуточном тоне: «Это превосходительства, получившие чистую отставку и казенную квартиру за городом и т. д.». Государь, рассеянно выслушав это объяснение, продолжал свою беседу с присутствовавшими генералами о военных предметах. Не смотря на такое равнодушие его к классической древности, он произвел на Бунзена сильное впечатление. «В каждом вершке виден в нем император», — писал о нем прусский дипломат своей жене*.

В Духов день государь выехал из Берлина, а в Англии еще ничего не знали о скором прибытии его. Лишь в четверг 18 (30) мая пришло туда известие, что его величество, посетив по пути короля нидерландского, прибудет в Лондон в субботу 20 мая (1 июня) вечером. Известие это застало английский двор врасплох. Для приготовлений к приему оставалось не больше суток, и они усложнялись еще тем обстоятельством, что в один день с русским императором ожидали и короля саксонского. По приказанию королевы, для высоких посетителей отведены были покои в Букингамском дворце.

Высадясь на берег в Вульвиче в 10 часов вечера, государь ровно в полночь прибыл в Лондон. Он не пожелал воспользоваться гостеприимством двора и прямо приехал в Ashburnham House, где помещалось русское посольство. Оттуда он написал принцу Альберту собственноручное письмо, в котором выражал желание свое как можно скорее иметь свидание с королевой.

На другой день, в 10 часов утра, принц-супруг явился к императору и пробыл у него около часа. В половине второго он снова приехал в посольство и сопровождал его величество в Букингамский дворец. Королева Виктория встретила своего державного гостя на нижней ступени лестницы. Он завтракал с королевскою семьею,

---

* Барон Бузен жене, 14 (26), 15 (27), 16 (28) мая 1844.

посетил теток королевы, герцогинь Кембриджскую и Глостерскую, и сделал визит герцогу Веллингтону. Обед состоялся во дворце, а ночевать государь возвратился в дом своего посольства.

В понедельник, 22 мая (3 июня), император утро посвятил прогулке в Риджент-парк и по главным улицам Лондона, а затем посещению нескольких знатных лиц. Он навестил леди Гейтесбюри, леди Пемброк, леди Кланрикард, занимавших высшие должности при дворе королевы, а также первого министра сэра Роберта и леди Пиль. К завтраку в посольстве приглашен был герцог Девонширский, бывший чрезвычайный посол при коронации 1826 года. В 6 часов вечера государь отправился в Виндзор, где на станции железной дороги снова встретил его принц Альберт.

В Виндзорском замке император Николай провел целые четыре дня. Красота и великолепие этого древнего жилища английских королей произвели на него приятное впечатление. «Оно достойно вас, государыня», — любезно заметил он королеве. Ее величество была на седьмом месяце беременности, и к тому же английский двор носил траур по герцоге Саксен-Кобург-Готском, отце принца-супруга, а потому в честь русского императора и короля саксонского нельзя было дать бала. Но в развлечениях для высоких посетителей все же не было недостатка. Поутру происходили смотры, прогулки, охоты. Вечером многочисленное общество собиралось к обеду, происходившему в большой Ватерлооской зале замка. На последние два обеда гости были приглашены в мундирах, по желанию государя, признавшегося королеве, что ему неловко во фраке, к которому он не привык. С военным же мундиром, прибавил он, он до того сроднился, что расставаться с ним ему так же неприятно, «как если б с него содрали кожу». И в Виндзоре он не расставался со своими спартанскими привычками. По свидетельству биографа принца Альберта, первым делом его слуг было по входе в его спальню послать на конюшню за несколькими снопами чистой соломы, чтобы набить его холщовый мешок, составлявший матрац походной кровати, на которой он постоянно почивал*.

Проводя весь день в обществе королевы, император Николай избегал, однако, разговоров с нею о политике. Зато он не упускал ни единого случая, чтобы заводить подобные разговоры с принцем Альбертом и главными министрами: сэром Робертом Пилем, лордом Абердином, герцогом Веллингтоном, находившимися

---

* *Th. Martin. The life of the Prince Consort, I, стр. 215.*

в числе приглашенных к королевскому столу. Беседы эти бывали очень продолжительны и длились иногда по нескольку часов. Собеседников государя поражала необыкновенная прямота и откровенность его речей. «Я знаю, — говорил он им, — что меня принимают за притворщика, но это неправда. Я искренен, говорю что думаю и держу данное слово»*.

24 мая (5 июня) в Виндзорском парке происходил большой парад. Войска и толпа собравшихся зрителей приветствовали русского императора восторженными кликами. Его величество оставил королеву лишь на несколько минут, чтобы проехать вдоль фронта, и, возвратясь к ней, благодарил ее за доставленный ему случай снова повидаться «со старыми товарищами». Похвалив быстроту и «точность движений английской артиллерии», государь, обратясь к королеве, сказал: «Прошу, ваше величество, рассчитывать и на мои войска, как на свои собственные». В заключение все бывшие на параде части прошли церемониальным маршем мимо королевы и императора. Во главе войск ехал престарелый главнокомандующий, герцог Веллингтон, а впереди своего полка — принц Альберт, салютовавший их величествам**.

На следующий день были скачки в Аскоте, национальный праздник для всей Англии. Прием, сделанный императору бесчисленными толпами народа, был еще шумнее и торжественнее, чем накануне. Всеобщее внимание было устремлено на него. «Где он ни показывается, — писала мужу баронесса Бунзен, — всюду встречают его громкими восклицаниями. Статный и красивый мужчина всегда нравится Джону Булю, — такова национальная его слабость. Кроме того, Джон Буль польщен столь высоким посещением, таким знаком внимания, оказанного его королеве и ему самому. На скачках император причинил большое беспокойство своей свите, отделясь от нее и быстрыми шагами направившись один в самую середину толпы. Граф Орлов, барон Бруннов напрасно пытались последовать за ним. Хотя он и отделялся от окружавшего его народа высоким своим ростом и блестящим мундиром, но с трудом пролагал себе путь в толпе. Когда он возвратился к своей свите и заметил ее смущение, то засмеялся и сказал: “Что с вами? Эти люди не причинят мне никакого зла!”

---

* Stockmar's Denkuürdigkeiten, стр. 400.

** Королева Виктория королю Леопольду, 30 мая (11 июня) 1844. Ср.: Guizot. Memoires pour servir a l'histoire de mon temps, VI, стр. 209.

Всякий со страхом вспомнил, — замечает баронесса Бунзен, — о том, что могли предпринять поляки»*.

По мере того как император Николай сближался со своими державными хозяевами, он все более и более располагал их в свою пользу. Государь был в высшей степени предупредителен и любезен с королевою, дружественно ласков с принцем Альбертом, нежен и приветлив с королевскими детьми. «Вот сладкие минуты нашей жизни», — говорил он, указывая на них ее величеству. Он брал детей на руки, целовал их, играл с ними. О принце Альберте он отзывался с величайшею похвалою. «Невозможно, — сказал он королеве, — представить себе большего красавца, вид его так благороден и добр». Самому принцу он выразил надежду, что они когда-нибудь встретятся оба в одних рядах на поле брани. Наконец, лорду Абердину его величество заметил, что хотел бы быть отцом такого сына, каков принц Альберт, а сэру Роберту Пилю — что пожелал бы всякому германскому государю обладать способностями и умом супруга королевы**.

В пятницу, 26 мая (7 июня), двор возвратился в Лондон. В этот раз государь остановился уже в Букингемском дворце. Он сделал несколько визитов женам министров и другим знатным дамам, посетил леди Лондон-дерри, леди Грахам и леди Каннинг и прогулялся по Гайд-парку. Обед происходил во дворце, где вечером был блестящий прием, на котором собралось 260 приглашенных. Его величество, смеясь, заметил королеве, что его смущает представление незнакомых ему лиц, но представление все же состоялось: дам своего двора представляла императору сама королева, кавалеров — принц Альберт***.

На том же вечере представлялся его величеству дипломатический корпус. При этом встретилось затруднение, как поступить относительно представителей государей, либо непризнанных Россиию, либо таких, с которыми были прерваны наши дипломатические сношения. В подобном положении находились министры бельгийский, испанский и португальский. Император согласился допустить и их к приему и особенно ласково обошелся с француз-

---

* Баронесса Бунзен мужу, 26 мая (7 июня) 1844.

** Королева Виктория королю Леопольду, 23 и 30 мая (4 и 11 июня) 1844. Ср.: *Th. Martin. The life of the Prince Consort*, стр. 218, *Stockmar's Denkwürdigkeiten*, стр. 397.

*** Королева Виктория королю Леопольду, 30 мая (11 июня) 1844.

ским послом, графом Сент-Олером. Впрочем, милостивые слова его величества относились лично к послу и в разговоре с ним он даже ни разу не упомянул имени короля Лудовика-Филиппа*.

Утром 27 мая (8 июня) государь возобновил свои прогулки по Лондону, заезжал в военный клуб (United service Club) и осматривал работы воздвигаемого нового здания парламента, а потом отправился в замок Чисвик, принадлежащий герцогу Девонширскому, давшему в честь его блестящий праздник. Другой знатный член английской аристократии, также бывший посол в С.-Петербурге, лорд Кланрикард, просил его величество удостоить посещением бал, предположенный на следующий понедельник, 29 мая (10 июня), но государь не принял приглашения, так как отъезд его был назначен на следующий день, в воскресенье. В Чисвике он увидел лорда Мельбурна, бывшего много лет главою министерства вигов, столь враждебно относившегося к России. В тот же день за обедом во дворце королева заметила, что лично министр этот питает глубокое уважение к императору. «И я тоже очень уважаю лорда Мельбурна, — отвечал государь, — все, кто служит вашему величеству, мне дороги». Вообще, он был очень доволен сделанным ему в Чисвике приемом, с похвалою отзывался о великолепии и роскоши праздника и о большом числе присутствовавших на нем красавиц**.

Приближался час разлуки. Отводя королеву под руку из-за стола в гостиную, государь сказал: «Сегодня, к несчастью, последний вечер, когда я пользуюсь ласкою вашего величества, но воспоминание о ней вечно запечатлеется в моем сердце. Я вас, вероятно, больше не увижу». Королева Виктория возразила, что он легко может снова посетить Англию. «Вы знаете, как трудно нам предпринимать подобные путешествия», — воскликнул император. «Но я поручаю вам детей моих», — прибавил он, с оттенком грусти в голосе***.

Вечер субботы окончился в оперном театре. Хотя там и не ожидали королевы и ее августейших гостей, но встретили их громом рукоплесканий. Не смотря на настояние ее величества, государь не хотел занять место впереди ее. Тогда королева взяла его за

---

* Ср.: Stockmar's Denkwürdigkeiten, стр. 396 и Guizot: Memoires pour servir a l'histoire de mon temps, IV, стр. 210.

** Королева Виктория королю Леопольду, 30 мая (11 июня) 1844.

*** Королева Виктория королю Леопольду, 30 мая (11 июня) 1844.

руку и подвинула вперед, при оглушительных восклицаниях публики*.

В день отъезда, приходившийся в воскресенье, государь отстоял обедню в церкви русского посольства и сделал прощальные визиты первому министру и своему представителю при лондонском дворе. За завтраком у королевы он снова в самых теплых выражениях выразил ей свою признательность и присовокупил: «Я уезжаю с чувством глубочайшей преданности к вашему величеству и к тому (взяв руку принца Альберта), кто стал для меня как бы братом».

Прощание императора с королевской семьей было задушевно. И гость, и хозяйка казались растроганными. Сойдясь ближе, они научились взаимно ценить и уважать друг друга. «Я узнала императора, — писала королева Виктория дяде своему королю Леопольду. — а он узнал меня». В дневнике своем ее величество так описывает трогательную картину расставанья:

«Незадолго до пяти часов мы спустились вниз, чтобы ждать с детьми в малой гостиной. Вскоре после того вошел император и начал говорить с нами. Затем он сказал со вздохом и с чувством, смягчившим всю строгость его осанки: “Я уезжаю отсюда, государыня, с грустью в сердце, проникнутый вашей лаской ко мне. Вы можете всегда и вполне положиться на меня, как на самого преданного вам человека. Да благословит вас Бог!” Он снова поцеловал и пожал мою руку, а я поцеловала его. Он обнял детей с нежностью и сказал: “Бог да благословит их, вам на счастье”. Он не хотел, чтобы я провожала его, говоря: “Умоляю вас! Не идите дальше! Я упаду к вашим ногам! Позвольте мне отвести вас в ваши покои!”** Но, конечно, я не согласилась и под руку с ним направилась к сеним... На верху немногих ступеней, ведущих в нижние сени, он снова крайне ласково простился со мною, и голос его обличал его смущение. Он поцеловал мою руку, и мы обнялись. Увидав, что он дошел до двери, я спустилась с лестницы, и он из кареты просил меня не оставаться тут; но я осталась и видела, как он с Альбертом уехал в Вульвич»***.

---

* То же письмо.

** Королева была, как замечено выше, на седьмом месяце беременности. 25 июля (6 августа) 1844 года она разрешилась от бремени сыном, принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским.

*** Из дневника королевы Виктории, в *Th. Martin. The life of the Prince Consort, I*, стр. 221–222.

В Вульвиче государь осмотрел знаменитые доки и строившиеся на них суда, и в 7 часов вечера, простясь с принцем Альбертом, отплыл на английском корабле «Black Eagle». Барон Бруннов сопровождал его величество до Гревесенда, где государь вручил своему министру знаки ордена Св. Андрея для принца Валлийского. Все состоявшие при императоре чины английского двора были щедро одарены золотыми табакерками и другими богатыми подарками.

Перед отъездом государь пожертвовал значительные суммы на различные патриотические и благотворительные цели. Независимо от приза, основанного им на английских скачках, он велел препроводить от своего имени по 500 фунтов стерлингов герцогам: Веллингтону — на памятник Нельсону, а Рутланду — на памятник самому Веллингтону. Такая же сумма была выдана, по его приказанию, для раздачи бедным англиканского прихода св. Георгия, в черте коего находилось русское посольство; 1000 фунтов стерлингов назначено обществу вспомоществования неимущим иностранцам, а 100 фунтов — на содержание учрежденной для иностранцев больницы**.

На другой день по отъезде его величества должен был состояться бал, ежегодно устраиваемый в пользу проживающих в Лондоне неимущих польских выходцев. Государь разрешил барону Бруннову сделать от своего имени приношение и отправить его к стоявшей во главе предприятия герцогине Сомерсетской при письме, в котором посланник наш объявлял, что государю угодно видеть в покровительствуемом ею бале лишь дело благотворительности, а не политическую демонстрацию**.

По собственному выражению королевы Виктории, посещение Англии императором Николаем было «великим событием и большою вежливостью»***. Все были крайне польщены им, не только двор и министерство, но даже и оппозиция. Лорд Пальмерстон писал по этому поводу: «Надеюсь, что русский император останется доволен приемом. Важно, чтобы он вынес благоприятное впечатление из Англии. Он могуществен и во многих случаях может действовать или в нашу пользу, или нам во вред, смотря по тому, хорошо или дурно он расположен к нам; и если мы можем приобрести его благоволение вежливостью, не жертвуя националь-

---

* Барон Бруннов графу Нессельроде, 1 (13) июня 1844.

** Та же депеша. Ср.: *Guizot. Memoires*, IV, стр. 209.

*** Королева Виктория королю Леопольду, 23 мая (4 июня) 1844.

ными интересами, то было бы глупо не поступить так. Впрочем, я могу сказать, что он будет принят прекрасно, ибо известно, что личность его, обхождение и манеры привлекательны»*.

Простота, непринужденность, ласковость в обращении государя окончательно обворожили и двор, и все английское общество. Каждое появление его в публике вызывало восторженные восклицания. Но самую трудную победу одержал он над предубеждениями королевы Виктории, до личного с ним знакомства имевшей о нем весьма неправильное представление, сложившееся под влиянием предвзятых и врожденных взглядов на Россию и ее государя, бывших в то время в ходу в Западной Европе. В письме, написанном тотчас по его приезде к королю бельгийцев, ее величество подробно изложила первое впечатление, произведенное на нее высоким гостем. В отзыве ее хотя и слышится кое-где как бы отголосок прежних предубеждений, но выражается прежде всего глубокое уважение к личным достоинствам русского императора.

«Вид его, — писала королева, — без сомнения, поражает; он все еще очень хорош собою; профиль его прекрасен, а манеры — полны достоинства и грации. Он очень вежлив, его внимательность и любезность даже внушают опасение. Но выражение очей его строго, и не походит ни на что, прежде виденное мною. Он производит на Альберта и на меня впечатление человека несчастливое, которого давит и мучит тяжесть его безмерного могущества и положения. Он редко улыбается, а когда и улыбнется, то выражение его улыбки несчастливое. Он очень прост в обхождении»**.

В другом письме к королю Леопольду королева сообщала: «Он (император) был очень растроган, расставаясь с нами, и искренно и непритворно тронут приемом и пребыванием здесь, простота и спокойствие которых указывают на привязанность его к семейной жизни. Привязанность эта действительно очень велика». И далее: «Теперь, рассказав все, что произошло, я передам вам мои мнения и чувства об этом предмете, которые, смею сказать, разделяются и Альбертом. Я была очень настроена против посещения, опасаясь стеснения и тягости, и даже вначале оно мне нисколько не улыбалось. Но, прожив в одном доме вместе, спокойно и нестеснительно (в том и состоит, как весьма справедливо полагает Альберт, великое преимущество таких посещений, что я не только вижу этих высоких

---

* Лорд Пальмерстон сэру Вильяму Темплю, 24 мая (5 июня) 1844.

** Королева Виктория королю Леопольду, 23 мая (4 июня) 1844.

посетителей, но и узнаю их), я узнала императора, а он узнал меня. В нем есть многое, с чем я не могу примириться, и я думаю, что надо рассматривать и понимать его характер таким, каков он есть. Он суров и серьезен, верен точным началам долга, изменить которым не заставит его ничто на свете. Я не считаю его очень умным, ум его не обработан. Его воспитание было небрежно. Политика и военное дело — единственные предметы, внушающие ему большой интерес; он не обращает внимания на искусства и на все более нежные занятия; но он искренен, я в этом не сомневаюсь, искренен даже в наиболее деспотических своих поступках, будучи убежден, что таков единственно возможный способ управлять. Я уверена, что он не подозревает ужасных случаев личного несчастья, столь часто им причиняемых, ибо я усмотрела, из различных примеров, что его содержат в неведении о многих делах, совершаемых его подданными в высшей степени продажными путями, тогда как он считает себя чрезвычайно справедливым. Он помышляет об общих мерах и не входит в подробности, и я уверена, что многое никогда не достигает до его слуха, да и не может достигнуть, если пристально взглядеться в дело... Я готова сказать даже, что он слишком откровенен, ибо он говорит открыто перед всеми, чего бы не следовало, и с трудом сдерживает себя. Забота его о том, чтобы ему верили, очень велика, и я должна признаться, что сама расположена верить его личным обещаниям. Его чувства очень могучи. Он прост, чувствителен и ласков, а любовь его к жене и своим детям, да и ко всем детям вообще — очень велика»*.

Королеву поразили мысли, высказанные императором о воспитании детей и об отношениях их к родителям. «Им следует внушать, — говорил он ей, — чувства возможно большего почтения, но в то же время вселять в них и доверие к родителям, а не страх». Про свое воспитание он заметил, что оно было очень строго и что он вырос в постоянной боязни перед матерью. Не без удивления услышала ее величество из уст русского самодержца выражение его глубокого убеждения, «что в настоящее время члены царственных домов должны стремиться стать достойными своего высокого положения, чтобы помирить с ним народное чувство»**. Взгляд этот нашел себе задушевный отголосок в сердце принца Альберта, — замечает его биограф.

---

* Королева Виктория королю Леопольду, 30 мая (11 июня) 1844.

** Из дневника королевы Виктории.

В письмах к королю Леопольду королева неоднократно возвращалась к описанию наружности русского императора. «Он несчастлив, и меланхолия, проглядывающая в его внешности, по временам наводила на нас грусть. Суровость его взгляда исчезает в значительной степени, по мере того как знакомишься с ним, и изменяется сообразно тому, владеет ли он собою, или нет (его можно привести в большое смущение, — замечает в скобках королева), а также когда он разгорячен, так как он страдает приливом крови к голове. Он никогда не пьет ни единой капли вина и ест чрезвычайно мало. Альберт полагает, что он слишком расположен следовать душевному импульсу или чувству, что заставляет его часто поступать несправедливо. Его восхищение женскою красотою очень велико... Но он остается верен тем, кем он восхищался двадцать восемь лет назад»*.

Эта последняя черта в характере государя не ускользнула от внимания и барона Стокмара. «Император, — пишет он в своих «Записках», — все еще великий поклонник женской красоты. Он выказал большое внимание всем англичанкам, бывшим прежде предметами его почитания. Все это, в соединении с повелительною его осанкою и предупредительною любезностью в отношении прекрасного пола, конечно, победило большинство дам, с которыми он был в сношениях. Мужчины хвалили его чувство собственного достоинства, такт и точность, отличавшие его в обществе»**.

Кратковременное пребывание императора Николая в Англии, несомненно, сделало его крайне популярным во всем Соединенном Королевстве. О таком результате его поездки барон Бруннов писал графу Нессельроде в следующих выражениях:

«Посещение Англии нашим августейшим государем увенчало все наши желания и осуществило все надежды. Невозможно дать вам верное понятие о глубоком впечатлении, произведенном в этой стране присутствием императора. Чувства дружбы, выраженные ему ее величеством королевой, усердная заботливость о нем принца Альберта, полные доверия беседы его с главными членами великобританского кабинета, воодушевление, с коим встретили его все сословия английского народа, наконец, искреннее удовольствие, которое он испытал, увидав себя снова в среде большого числа лиц,

---

* Королева Виктория королю Леопольду, 30 мая (11 июня) 1844.

** Stockmar's Denkwürdigkeiten, стр. 400.

почтенных его милостивым вниманием во время первого посещения им Англии, — все эти обстоятельства вместе взятые вполне отвечали справедливым ожиданиям нашего августейшего государя»*.

Внешний успех императорской поездки был единогласно признан и при других иностранных дворах. Австрийский посланник в Лондоне, барон Нейман, выразил по этому поводу свое удовольствие барону Бруннову, а княгиня Меттерних, жена канцлера, занесла в свой дневник, что, «по-видимому, лондонская публика, не смотря на то, что она не была сначала расположена оказать императору Николаю хороший прием, кончила тем, что помирилась с ним и даже дошла до энтузиазма»**. Наконец, такой личный недоброжелатель русского императора, каким был Гизо, вынужден был признать обаяние «государя-царедворца, прибывшего с целью явить свое величие и любезность, пленить королеву Викторию, ее министров, дам, аристократию, народ, всех в Англии»***.

Но личным успехом государя не исчерпывалось значение предпринятого им путешествия.

В Европе поездке, предпринятой русским императором в Англию, единогласно приписывали большое политическое значение. Мы познакомились уже с предположениями, высказанными по поводу ее главою французского кабинета. В Берлине терялись в догадках, тем более что в проезд свой чрез этот город государь, по-видимому, не счел нужным открыть свои намерения королю Фридриху-Вильгельму. По крайней мере, ближайший друг и доверенный советник короля, Бунзен, в письмах к жене своей, не высказывая ничего положительного, ограничивался соображениями чисто гадательного свойства.

«Чего хочет император? — спрашивал он сам себя. — Во-первых, он хочет сделать неприятность королю Лудовику-Филиппу; во-вторых, подражать королю Фридриху-Вильгельму IV в его царственной любезности относительно обладательницы Британских островов; в-третьих, расположить в свою пользу королеву Викторию, Пиля, Веллингтона и отстранить их от Франции. Эта последняя цель — единственная разумная: она вдохновляет с.-петербургский кабинет и составляет основание политики Бруннова». По мнению Бунзена, это было нужно для осуществления планов, касающихся-

---

* Барон Бруннов графу Нессельроде, 30 мая (11 июня) 1844.

** *Memoires de Metternich*, VII, стр. 6.

*** *Guizot. Memoires pour servir a l'histoire de mon temps*, VI, стр. 208–209.

ся близкого будущего, причем для России важно было, чтобы Англия не действовала заодно с Францией. В этих видах император Николай, вероятно-де, подтвердит английским министрам то, в чем они убеждены и без того, а именно что сам он никогда не протянет руки Франции для заключения с нею союзного договора, как того желали бы все прочие русские государственные люди (?), с тем, чтобы поделить Турцию, не спрашиваясь ни Англии, ни Германии. Замечательно, что эта боязнь непосредственного соглашения России с Францией по восточным делам одинаково озабочивала английских и немецких министров и дипломатов сороковых годов и не раз находила себе выражение в их речах и письмах.

«А потом? — продолжает спрашивать Бунзен. — Потом? Ах! вот где мир замкнут в загородке, мешающей ему видеть суть вещей. Англия не дает условных обещаний, не принимает на себя условных обязательств; среди ее нынешних государственных людей нет ни одного, кто был бы в состоянии задумать относительно Турции предусмотрительную политику и схватить топор за рукоятку; но если бы такой и нашелся, то он вынужден был бы отложить свои решения до наступления кризиса, и не мог бы их принять в виду будущего. Итак, в конце концов, каприз самодержца внушил ему мысль этого путешествия, во всяком случае смелую мысль!»*

Бунзен ошибался. Цель государя была и проще, и шире. Она состояла в том, чтобы, как мы уже сказали, разорвать укоренившиеся в Англии при дворе, в правительстве, в парламенте, в общественном мнении предубеждения против русской политики, внушить доверие к себе, к своему личному характеру и откровенным обменом мыслей по главным европейским вопросам попытаться достигнуть искреннего и прочного соглашения с великобританским кабинетом. Желание это разделялось и главою этого кабинета сэром Робертом Пилем, и министром иностранных дел лордом Абердином, так много потрудившимися над осуществлением императорской поездки, устранением всех представлявшихся ей препятствий.

Избегая политических разговоров с королевой, император Николай не скрывал от нее, однако, что прибыл в Англию в надежде улучшить отношения свои к ее правительству. «Государям, — говорил он ей, — не мешает время от времени взглянуть на положение дел собственными глазами, так как не всегда можно доверять дипломатии. Личные свидания и переговоры возбуждают

---

* Барон Бунзен жене, 15 (27) мая 1844.

в них чувства взаимной дружбы, сознание взаимных польз; к тому же в простой беседе каждому несравненно удобнее объяснить свои впечатления, намерения и побуждения, чем в целой массе посланий или писем»*. Коснувшись общего состояния Европы, государь утверждал, что главная его забота поддерживать хорошие отношения с Англией, но отнюдь не в ущерб прочим державам, «лишь бы вещи оставались, каковы они теперь». Не вдаваясь в подробности и не спрашивая королеву ни о чем, он упомянул только об опасениях, внушаемых ему Востоком и внутренним положением Австрии**.

Гораздо обстоятельнее и сообщительнее был император в беседах своих с принцем Альбертом и с членами кабинета. С ними он подвергал полному и всестороннему обсуждению все главные насущные политические вопросы, и если не всегда успевал переубедить их, зато не оставлял в них ни малейшего сомнения относительно своего прямотушия, чистоты намерений, твердости и непреклонности убеждений.

Английское правительство и в особенности двор были немало озабочены прерыванием дипломатических сношений между Россией и Бельгиею. Молодое королевство со дня своего основания пользовалось расположением сент-джемского кабинета, считавшего его как бы своим созданием. Сверх того, узы самой тесной дружбы и родства связывали королеву Викторию и ее супруга с дядей их, королем бельгийцев. Естественно было воспользоваться пребыванием в Англии императора Николая, чтобы возбудить с ним вопрос о возобновлении прерванных с Бельгиею сношений. Мысль эта была внушена лорду Абердину бароном Стокмаром, неусыпным блюстителем польз и выгод Кобургского дома. По просьбе английского министра иностранных дел, граф Орлов взялся предупредить о том государя.

Его величество имел с лордом Абердином продолжительную беседу 23 мая (4 июня), на другой день по прибытии своем в Виндзорский замок. Прежде чем министр успел направить разговор на интересовавший его предмет, «вы хотите говорить со мною о Бельгии? — воскликнул с живостью государь. — Хорошо. Давайте говорить о ней сейчас. Сядемте. Я забуду, что я император;

---

* См.: *Th. Martin. The life of the Prince Consort*, I, стр. 215.

** Из письма королевы Виктории к королю Леопольду, от 30 мая (11 июня) 1844.

вы забудете, что вы английский министр. Будемте просто, я — Николай, вы — Абердин. Итак, вы говорите, что королева желала бы видеть меня на дружеской ноге с Леопольдом. Я сам искренно желаю того же, я всегда любил и уважал дядю королевы, и был бы от души рад возвратиться к прежней нашей дружбе; но, пока польские офицеры останутся на службе короля, — это совершенно невозможно. Согласно нашему условию мы обсуждаем дело не как император и министр, а как джентельмены. Поляки были и остаются мятежниками. Позволительно ли джентельмену принимать к себе на службу людей виновных в мятеже против его друга? Леопольд взял мятежников под свое покровительство. Что бы сказали вы, если бы я стал покровительствовать О'Коннелю, вздумал назначить его своим министром? Что касается Скржинецкого, это не так важно, он ранее оставил нашу службу, но Крушевский — совсем другое дело, случай непростительный. Он был адъютантом брата моего Константина.

Леопольд назначил его на доверенный пост, произвел в генералы. Может ли джентельмен поступать так относительно другого джентельмена? Скажите вашей королеве, что в тот самый день, когда ее величество даст мне знать, что поляки оставили службу короля бельгийцев, министр мой получит приказание как можно скорее отправиться в Брюссель».

«Я не признал бельгийской революции, — продолжал государь, — и никогда ее не признаю. Впоследствии, однако, я признал Бельгийское королевство. Я умею держать свое слово, уважаю договоры и свято исполняю их. Я долгом считаю отныне охранять существование Бельгии, как и всякого другого установленного государства в Европе. Я желаю преуспевания Бельгии, как и всех прочих держав»*.

На этом и остановилось дело. В виду категорического заявления государя, английский министр далее не настаивал. Лишь гораздо позже, а именно в 1852 году, когда Бельгийскому королевству угрожали завоевательные стремления восстановленной империи во Франции, и ему важно было заручиться поддержкою России,

---

* Сохранением этого замечательного разговора императора Николая с лордом Абердином, а также приводимых ниже разговоров его с тем же Абердином и сэром Робертом Пилем мы обязаны барону Стокмару, записавшему их со слов английских министров. Своеобразные обороты, свойственные государю, не оставляют сомнения в подлинности означенных речей его. См. Stockmar's Denkwürdigkeiten, стр. 394 и след.

король Леопольд решился удалить бывших в его службе польских офицеров. Верный слову, данному лорду Абердину за восемь лет перед тем, император Николай тотчас возобновил дипломатические сношения с брюссельским двором.

Также решительно и откровенно высказал государь лорду Абердину взгляд свой на положение дел во Франции и на правительство ее, народившееся из июльских баррикад. «Лудовик-Филипп, — заявил он, — оказал Европе большие услуги, я признаю это. Лично я никогда не буду его другом. Говорят, его семья примерна и вполне заслуживает похвалы; но сам он, — что он сделал? Чтобы основать, укрепить свое положение, он искал подкопать мое положение, подорвать достоинство мое, как русского императора. Я никогда ему этого не прощу». Впрочем, главным препятствием к сближению России с Францией в глазах государя был самый принцип июльского правительства, принцип революционный, прямо противоположный и чувствам его, и политике. Но признав в 1830 году, Лудовика-Филиппа, он не искал вредить ему, не давая врагам его ни малейшей поддержки. «Я не карлист, — говорил он лорду Абердину, — за несколько дней до обнародования указов июля 1830 года я предостерег Карла X против всякой попытки совершить государственный переворот, я велел предсказать ему его последствия; он дал мне честное слово, что и не помышляет о таком перевороте, и тотчас же приказал обнародовать указы. Я никогда не стану поддерживать Генриха V. Когда меня спросили под рукою, может ли он посетить меня, я велел отвечать, что приму его, но только как частное лицо; а что в виду того, что такой прием мог бы повредить его делу в глазах Европы, обезнадежить его друзей и сторонников, лучше было бы, по моему мнению, не возбуждать о нем и речи».

Государь заметил, что не одобряет «комедии», разыгранной графом Шамбором в Англии; что последний может сохранять убеждение, что он законный король Франции, но что разыгрывать роль претендента — нелепо. Перейдя к оценке современных французских государственных людей, его величество прибавил: «Я совсем не люблю Гизо. Он мне нравится еще меньше Тьера. Тьер хоть и фанфарон, но откровенен: он гораздо менее вреден и опасен, чем Гизо, который так недостойно поступил с Молэ, самым честным человеком во Франции». О тесном союзе Англии с Францией государь отозвался, что не жалеет о нем нисколько и желает ему продолжаться как можно долее, хотя и не верит

в его долговечность. Первая буря в палате разнесет его. Лудовик-Филипп попытается сопротивляться, но если не почувствует себя достаточно сильным, то сам станет во главе движения, чтобы спасти свою популярность*.

Такие откровенные речи императора о нерасположении его к существующему во Франции порядку вещей вызвали горячие возражения со стороны принца Альберта, а сэр Роберт Пиль прямо заявил, что политика его направлена к тому, чтобы по смерти короля Лудовика-Филиппа французский престол перешел без сотрясений к ближайшему законному наследнику Орлеанской династии. «Я не имею ничего против этого, — отвечал государь. — Я желаю как можно больше счастья французам, но без спокойствия они не достигнут счастья. Они не должны производить взрывов вне своих пределов. А потому будьте уверены, что я нимало не ревную вас к ним за ваше доброе согласие с Францией, оно может иметь лишь благие последствия для меня и для Европы. Вы приобретаете чрез него влияние, которое можете употребить с пользою».

«Впрочем, — добавил его величество, — я приехал сюда не с политической целью. Я хочу завоевать ваше доверие, хочу, чтобы вы научились верить, что я человек искренний, честный человек. Вот почему я открываю вам мои мысли об этих предметах. Нельзя депешами достигнуть желаемого мною результата».

Напомнив, что бывший английский посол в Петербурге, лорд Дургам, скоро отрешился от прежних предубеждений своих против него и России, государь выразил уверенность, что успеет в том же и относительно своего собеседника и Англии вообще. «Надеюсь, — воскликнул он с жаром, — что личные наши сношения разрушат все предрассудки, ибо я крайне дорожу мнением англичан; но я не забочусь о том, что говорят обо мне французы, мне плевать на их слова»**.

На что было нужно государю доверие английского правительства? Очевидно, не для осуществления каких-либо своекорыстных планов на Востоке, а для мирного разрешения Восточного вопроса путем общеевропейского соглашения. Начало этому соглашению уже было положено, в 1833 году, в Мюнхенгрече,

---

* См. там же, стр. 395 и 397, и Гизо, *Memoires pour servir a l'histoire. Le mon temps*, VI. Стр. 210–211.

** См. *Stockmar's Denkwurdigkeiten*, стр. 398.

Россию и Австрию, условившимися действовать сообща в случае распада Оттоманской империи. К этому условно примкнул берлинский кабинет. Но успех его можно было бы считать обеспеченным лишь с той минуты, когда к нему присоединилась бы и Англия. В таком случае Франции оставалось бы или беспрекословно подчиниться решениям прочих четырех великих держав, или же действовать одиноко против них, очевидно, без малейших шансов на успех.

Ровно за год до поездки государя в Лондон, граф Нессельроде жаловался князю Меттерниху на подозрительность сент-джемского кабинета, основанную на распространенной в Англии традиционной идее, будто Россия силою или хитростью стремится вызвать падение Оттоманской империи, с целью найти в ее развалинах средство к собственному расширению*. Дабы рассеять это предубеждение, мы испрашивали согласия венского кабинета на сообщение великобританскому правительству мюнхенгретской конвенции по восточным делам, но князь Меттерних нашел это неудобным, ибо Англия могла бы спросить, почему акт этот не был сообщен ей тотчас по вступлении ториев в министерство, и предложил взять на себя объявить лондонскому двору, что в Мюнхенгретце Россия и Австрия торжественно обязались друг перед другом поддерживать существующий порядок вещей в Турции**. Предложение это не только не отвечало намерениям императора Николая, но прямо противоречило им, а потому и было отклонено. Государь решился сам взять на себя трудное дело рассеять предубеждения Англии и побудить ее идти рука об руку с нами на Востоке. С этой минуты поездка его в Лондон была решена.

Восточный вопрос был главною темою разговоров императора Николая с министрами королевы. Глубоко убежденный в неминуемости и близости распада Оттоманской империи, не смотря на искренние усилия всех великих держав, и в числе их и России, поддержать ее существование, его величество приложил все старание, чтобы заставить главных членов великобританского кабинета разделить этот взгляд.

«Турция умирает, — говорил он лорду Абердину. — Сколько бы мы ни старались спасти жизнь ее, мы в этом не успеем. Она

---

* Граф Нессельроде графу Меду, 8 (20) мая 1843.

** Князь Меттерних графу Нессельроде, 29 мая (10 июня) 1843.

умрет, не умереть ей нельзя. Это будет критическая минута. Я предвижу, что мне придется двинуть мои армии. Австрия сделает то же. В этом кризисе я опасаясь одной Франции. Чего она захочет? Я ожидаю ее на многих пунктах: в Африке, в Средиземном море, далее, на Востоке. Припомните ее экспедицию в Анкону. Почему же ей не предпринять такой же в Кандию, в Смирну? При подобных обстоятельствах разве Англия не должна будет перенести на Восток все свои морские силы? Итак, в этих странах встретятся: русская армия, австрийская армия, большой английский флот. Сколько пороховых бочек близ огня! Кто помешает искрам взорвать их?»

Еще откровеннее и гораздо определеннее высказался государь в разговоре своем с первым лордом казначейства.

«Турция разрушается, — утверждал он, — дни ее сочтены. Нессельроде отрицает это, но я в этом убежден. Султан, хотя и не гений, но все же человек. Допустите, что с ним случится несчастье, что увидим мы после его смерти? Ребенка и регентство! Я не хочу единого вершка турецкой земли, но не позволю и другими державам присвоить себе хотя бы один вершок».

Его величество говорил с таким одушевлением, так громко, стоя у открытого окна, что сэр Роберт Пиль поспешил закрыть окно из опасения, чтобы слова государя не были услышаны на улице. Он отвечал своему высокому собеседнику, что Англия находится в таком же точно положении относительно Востока. Политика ее несколько изменилась лишь в одном пункте: — в Египте. Англия не согласится на установление в этой стране слишком сильного правительства, которое могло бы отказать в проходе индийской почте.

Император продолжал:

«Теперь нельзя условиться о том, что делать с Турциею в случае ее смерти. Подобный договор ускорил бы ее падение. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить настоящее положение. Но следует взглянуть честно, разумно на возможность разрушения Турции. Необходимо условиться на справедливых основаниях, установить вполне искренно добросовестное соглашение, подобное тому, которое уже существует между Россией и Австриею»*.

---

* Stockmar's Denkwürdigkeiten, стр. 386–399.

Государь, очевидно, имел при этом в виду тайную конвенцию, заключенную с венским двором в 1833 году в Мюнхенгреце. Актом этим оба императорские кабинета обязывались всеми силами поддерживать существование Порты, но в случае ее распада, — ничего не предпринимать без предварительного соглашения друг с другом*. Почти в тех же самых выражениях определялось взаимное отношение России и Англии к восточному вопросу в меморандуме, излагавшем сущность происходивших в Лондоне переговоров между императором Николаем и великобританскими министрами и переданном бароном Брунновым лорду Абердину, вскоре по возвращении государя в Петербург. Исходя из того положения, что сохранение Турции, ее независимости и целостности составляет общий интерес как России, так и Англии, русский двор приходил к следующему заключению:

1) «искать продлить существование Оттоманской империи в ее настоящем положении, доколе эта политическая комбинация окажется возможною»;

2) «если мы (т. е. дворы с.-петербургский и лондонский) предвидим, что она должна разрушиться, то войти в предварительное соглашение относительно установления нового порядка вещей, имеющего заменить ныне существующий, и наблюдать сообща за тем, чтобы перемена, состоявшаяся во внутреннем положении этой империи, не посягала ни на безопасность их собственных владений и прав, обеспеченных каждому из них договорами, ни на поддержание европейского равновесия»**.

В приведенных здесь заключительных словах русского меморандума нельзя не заметить старания согласовать осторожную до боязливости политику графа Нессельроде с личным взглядом государя на неизбежность и близость падения оттоманского владычества в Европе. Меморандум должен был неминуемо ослабить впечатление, произведенное в Лондоне гораздо более категорическим утверждением императора Николая по тому же предмету. Если верить Бунзену, то государь прямо заявил английским министрам, что в России существуют два мнения относительно Турции: одни утверждают, что она при смерти, другие, что уже

---

* Тайная мюнхенгресская конвенция по Восточным делам напечатана г. Мартенсом в его Собрании трактатов и конвенций, т. IV, ч. I, стр. 445–449.

** Тайный меморандум графа Нессельроде, июнь 1844 г.

умерла. «Первого взгляда, — продолжал его величество, — придерживается Нессельроде, сам я держусь второго».

Не подлежит сомнению, что попытка нашей дипломатии сгладить опасения, которые могли вызвать в английском правительстве столь определенные слова государя, не была удачна. Она не только не рассеяла свойственной англичанам подозрительности по отношению к всему, что касается действий России на Востоке, но даже дала ей новую пищу, подчеркнув противоречия между заискивающей дипломатической фразой меморандума и прямодушною откровенностью речей государя. Она устраняла, таким образом, все выгодные последствия этой откровенности и того благоприятного впечатления, которое всегда производит правдивое слово, сказанное в сознании права, силы и достоинства. Ничего не может быть вреднее в политике старания прикрыть коренную противоположность интересов двух держав разглашательствами о мнимом их тождестве. Если иногда и удаётся таким путем отдалить на некоторое время столкновение, то совершенно устранено оно может быть лишь при условии открытого признания вышеупомянутой противоположности. Тогда является возможность, посредством взаимных уступок, не согласовать несогласуемое, как любят выражаться дипломаты, а уравновесить взаимные пользы и выгоды.

Именно эту цель и имел в виду император Николай, отправляясь в Лондон, и достигнут ее лишь отчасти, придя к соглашению по одному частному среднеазиатскому вопросу*. Приписать это следует тому, что робкий и заискивающий тон меморандума графа Нессельроде лишил его плодов его царственной откровенности. А что главная цель государя так и осталась недостигнутою, бесспорно доказывается положением, занятым Англиею десять лет спустя ввиду несогласий наших с Портою по делу о Святых Местах, и деятельным участием ее в возгоревшейся из-за того войне.

---

* Сущность этого соглашения изложена бывшим дипломатом (бароном А. Г. Жомини) в его *Etude diplomatique sur la guerre de Crinue*, 1, стр. 15.